

Fantasy

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙБЕЛ
Сказание
о Мануэле

Владимир Соловьев

Джеймс Брэнч Кейбелл

Кое-что о Еве

Серия «Сказания о Мануэле», книга 13

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157184

Оригинал: James Cabell, "Something About Eve"

Аннотация

Джеймс Брэнч Кейбелл (1879-1958 гг.) – писатель, незаслуженно забытый в наши дни, однако в свое время считавшийся одним из ведущих мастеров американской «литературной легенды» первой половины XX в.

Кейбелл создал немало произведений, однако наибольшую известность ему принесла масштабная и изысканная фэнтези-сага «Сказание о Мануэле»!

Содержание

Часть I	4
Часть II	32
Часть III	48
Часть IV	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джеймс Брэнч Кейбелл

Кое-что о Еве

Часть I

Книга исхода

Хорошо там, где нас нет

Глава I

Как пришел искушитель

После того как Силан материализовался и стал восприниматься человеческими чувствами, он решил выждать несколько мгновений. Он молча разглядывал очень занятого рыжеволосого молодого человека, сидевшего на расстоянии вытянутой руки за письменным столом. Паренек был столь прищипанным образом поглощен литературным творчеством, что не заметил своего призрачного посетителя. И Силан ждал...

И как всегда, для постороннего наблюдателя движения

творческого письма являли тот налет гротеска, который накладывается на любую разновидность процесса порождения. Силан с тревогой взирал на судорожные гримасы паренька, которые казались фантому странными и жутковатыми. Ибо сей смертный мир, как хорошо помнил Силан, был необычайно богат предметами, доставляющими удовольствие, когда их держат в руках или пробуют на вкус – мир, в котором этот задумчивый паренек теребил и покусывал кончик черной ручки. За пределами этой душной комнаты были звезды, солнечные закаты или громадные горы, видимые почти с любого места в смертном мире, который пытливому существу, ищущему подходящие места, мог предоставить также такие восхитительные запахи, как аромат вербены и пачули, и тлеющих благовоний, и скошенных полей под огромной луной, и сосновых лесов, и крепкие соленые запахи ветра, веющего с моря.

Более того, в этот самый момент в чудесном мире за пределами этой довольно-таки душной комнаты вы могли бы повстречать те более нежные, просто младенческие ветерки, которые сейчас, на исходе апреля, постоянно шептали в верхушках деревьев о прелестях мира сего; либо вы могли услышать безумно милый голосок птицы, неуверенно взывающей весенней ночью со странной и пронизывающей сладостью; или, если бы вы зашли чуть дальше в поисках приключений, вы могли бы услышать бархатный, негромкий, сладкий голос женщины, с поддельным смущением пытающейся

ся воспрепятствовать вашим домогательствам... Наконец, за пределами этой заваленной книгами комнаты был тот незабвенный мир смертных, в котором восприимчивый молодой человек мог припеваючи жить как король, располагая лишь наследственным достоянием всякого — пятью человеческими чувствами.

И вот, в столь прекрасно организованном мире, этот худой рыжеволосый юноша напряженно (при помощи той самой весьма обгрызанной черной ручки) покрывал бумагу маленькими царапинами, большую часть которых он немедленно замарывал другими царапинками, все это время сохраняя вид человека, занимающегося чем-то умным и действительно важным. Поэтому сей Джеральд Масгрэйв казался выжидающему призрачному Силану смертным исключительно глупым, чтобы так бездарно транжирить краткое время юной жизни в полной сил молодой человеческой плоти, среди множества легкодоступных предметов, которые такой паренек, как он, мог бы постоянно видеть, пробовать на вкус, нюхать, слушать и вертеть в руках с непреходящим восторгом. Но Силан с легкой печалью думал также и о том, что его собственная юность была уже далеко в прошлом. В самом деле, прошло уже почти шестьсот лет с тех пор, как он был по-настоящему молод, добрых пять с половиной столетий с тех пор, как юный Гуврич и девять его рослых приятелей в легендарном содружестве наслаждались в своем наследственном владении пятью человеческими чувствами и

промотали это наследство весьма примечательным образом. Да, он начинал сдавать, думал Силан; он почти потерял соприкосновение с образом жизни этих современных молодых людей.

Это было, наверное, неизбежно, что за долгое время с тех пор, как он бродил по этому миру в физическом человеческом теле, слабости людской юности стали несколько чужды ему; и в конце концов не для того, чтобы оценивать расточительность писателей, вы проделали долгий путь от Кэр Омна до Личфилда под предводительством другого писателя, намереваясь вывести этого обреченного рыжего паренька за пределы мира живых.

Силан заговорил...

Глава 2

Эвелин из Личфилда

Силан заговорил. Он говорил довольно долго.

И некоторое время спустя молодой человек за письменным столом, поднявшись с легким испугом, который эти сверхъестественные посещения неизменно у него вызывали, выслушал предложение Силана.

– И кто же это, – сказал Джеральд затем, – подбивает меня

на эту жертву и на такое частичное уничтожение?

Силан ответил:

– Имя, которое я носил в бытность мою смертным – Гуврич, но сейчас меня называют Глом Взгляд Одержимого.

Это было странное имя, и предложение, которое делал этот туманный призрак в человеческом обличье, тоже было странным, – предложение, решил Джеральд Масгрэйв, над которым стоило, по крайней мере, поразмыслить...

Ведь, будучи исследователем магии, Джеральд Масгрэйв в свое время имел дело со множеством демонов, но ни один из них до этой последней ночи в апреле 1805 года не делал ему столь странного и в то же время разумного и даже приятно-го предложения, как то, что было сделано только что. Джеральд отодвинул в сторону рукопись своего неоконченного романа о Доне Мануэле из Пуактесма, расправил кружевное жабо на шее и на мгновение взвесил это действительно довольно-таки заманчивое предложение... Большинство демонов были одержимы идеей купить у него душу, о наличии у себя которой Джеральд, в этот век Разума, не имел надежных свидетельств. Но Глом Взгляд Одержимого, казалось, был в силах и имел желание избавить Джеральда от всех телесных обязательств и принять физическую жизнь Джеральда в том состоянии, в котором она была, – даже при всех мучительных затруднениях запутанных отношений Джеральда с Эвелин Таунсенд.

– Я некогда был человеком, – сказал Силан, – и носил фи-

зическую телесную оболочку. А старые привычки, в таких мелочах, как облачение, привязчивы. Иногда я чувствую, даже сейчас, спустя пять столетий беззаботной жизни Силана, что мне не хватает человеческих привязанностей.

— А я нахожу их, — заявил Джеральд, — в величайшей степени обременительными. Искренность ничуть не более приятна, чем скрытность, когда то или иное не к месту. А проклятие всех моих родственников — чрезвычайно пагубная искренность. Они не скрывают от меня ничего, кроме того почтения и зависти, с которыми они могли бы при желании взирать на мои хорошие манеры и благородные качества.

— Так обстояли дела со всеми родственниками, Джеральд, со времен Каина и Авеля.

— Я все еще, может быть, в состоянии, хотя и только как бедствие, терпеть моих братьев. Я мог бы вместе со своими сестрами строить грандиозные и унылые планы на мое будущее. Я мог бы даже пойти так далеко в самоотречении, чтобы прощать — по четвергам раз в две недели — хор нежно любящих тетюшек, которые вещают от лица моего собственного блага.

— Первым, кто претендовал отстаивать чужое благо, Джеральд, был Змей в Раю, и всегда с тех пор такие речи оказывались ядовиты.

— Но все эти пытки я мог бы, — сказал Джеральд, — по крайней мере, предположительно, вынести, если бы только занятиям моим искусством не воспрепятствовало и покой моего

тела не разрушило величайшее блаженство, которое может выпасть на долю человека.

– Вы, полагаю я, – сказал Силан, – намекаете на любовь хорошей женщины?

– Именно это и есть незаслуженное и неустранимое счастье, которое в конечном счете, представьте себе, может сократить меня до простой дроби самоубийства.

Теперь Джеральд умолк. Он глубоко откинулся в кресле. Он задумчиво свел вместе кончики мизинцев, а затем один за другим кончики других пальцев, пока его большие пальцы не соприкоснулись, и разглядывал результат в целом с неудовольствием.

– Всякий брак создает проблему по меньшей мере для одного человека, – философствовал он, – и не всегда для жёна. Видите ли, сэр, к величайшему несчастью, эта Эвелин Таунсенд уже замужем, поэтому наш союз с необходимостью оказался прелюбодеянием. Трагедия моей жизни состоит в том, что я встретил свою кузину Эвелин слишком поздно, чтобы жениться на ней. Любой женатый человек, неглупый и достаточно терпеливый, может заставить свою жену развестись с ним. Но для джентльмена с Юга не существует известного мне способа избавиться от дамы, которой он овладел незаконным образом, до тех пор пока она не соблюдет приличия, устав от него. А Эвелин, сэр, предпочтя продолжать свои безнравственные отношения со мной, повела себя очень дурно, о да, очень дурно...

– Все женщины... – начал было Глом.

– Нет, давайте не будем рассуждать в духе эпиграмм и афоризмов и с поверхностным легкомыслием о пороке, который докучает мне превыше всякой разумной меры терпения. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что всякая красивая женщина должна рано или поздно вспомнить, чем она обязана своему мужу и своим брачным обетам, и поступить соответствующим образом. Раскаяние в любовной связи, когда оно своевременно, доставляет счастье всем окружающим. Но некоторые женщины, сэр, некоторые женщины в любви бывают более навязчивы, чем анаконда. Они рыдают. На каждую попытку своих беспомощных любовников высказать разумное суждение они отвечают: «А тебе верила! Я отдала тебе все!»

Глом не без сочувствия кивнул.

– Я тоже в свое время выслушивал такой довод без всякой радости. Я думаю, на это нечего возразить.

Джеральд содрогнулся.

– Для джентльмена с Юга, во всяком случае, единственным приемлемым ответом является убийство. А против такого решения существует, разумеется, довольно распространённое предубеждение. Поэтому женщина этого вздорного типа демонстрирует верность, выдвигает всякого рода немыслимые требования и доводит вас до безумия, всегда на том неопровержимом основании, что ей следует рассчитывать на вашу благодарность и на вашу неизменную покор-

ность во всем. О, уверяю вас, мой добрый друг, не существует более разумного дружеского совета, чем седьмая заповедь!

– Ваши изречения более или менее истинны, и ваши затруднения я могу понять. Тем не менее...

– И вы тоже отлично понимаете нас, Масгрэйвов! – воскликнул Джеральд. – Но я думаю, вы сейчас хотите втянуть меня в это дело, ставя препятствия на моем пути.

– Я всего лишь хотел высказать ту простую мысль, что, несмотря ни на что, может быть, разумнее было бы мирно поладить с вашей Евой.

– Ее имя – Эвелин, – поправил Джеральд.

На это Силан улыбнулся.

– Ну да, конечно же! Женщины различаются по именам. Было бы мудрее для вас мирно поладить с Эвелин, чем для исследователя магии с таким небольшим опытом, как у вас, блуждать по ненадежному пути, который ведет в Антан.

– Но сэр, у меня душа художника! Когда-то, – Джеральд указал на рукопись, – это было малое искусство сочинительства. Теперь, в результате моего знакомства с Гастоном Балмером, который несомненно вам известен...

– Полагаю, я не имел такого удовольствия.

– Вы меня удивляете. Я мог бы предположить, что имя Гастона Балмера повседневно произносится во всех кругах Ада, потому что милый старый прохвост является адептом, сэр, разносторонних способностей, хорошего вкуса и здраво-

го смысла. И опять же, поскольку миссис Таунсенд его дочь, он приходится мне в некотором смысле приемным отцом по всем практическим соображениям. Но о чем это я? Ах да! Благодаря Гастону Балмеру, повторяю я, я был посвящен в величайшее из всех искусств. Я полагаю, что малое искусство сочинительства мне не удастся, что проза моя утратила величавость и свою захватывающую дух прелесть, потому что сердце мое более не принадлежит писательству по причине моего неутолимого желания оживить в своей прежней полноте славы гораздо более благородное и – во всяком случае, в Соединенных Штатах Америки – незаслуженно пренебрегаемое искусство волшебства. И от кого же еще – как вы наверное уже догадываетесь, мой дорогой друг – от кого же еще, если не от Магистра Филологии, могу я заполучить величайшие и наилучшие заклинания? Можете ли вы ответить мне на этот простой вопрос?!

– Разумеется, ни от кого иного...

– Вот видите!

– Однако Магистр Филологии теперь человек женатый и во всем подчиняется своей супруге. А эта королева Фрайдис обладает зеркалом, в которое, как говорят, должны взглянуть те, кто стремится к цели всех людских богов...

– Это зеркало тоже, – с оживлением промолвил Джеральд, – может мне понадобиться. Зеркала используются во многих разновидностях магии.

Теперь Глом заговорил с серьезностью гораздо большей,

чем к тому можно было усмотреть повод. И Глом сказал:

– Что до меня, то я не стал бы связываться с этим зеркалом. Даже в стране Дэрсам, где зеркала священны, мы не желаем иметь никаких дел с Зеркалом Пропавших Детей и с теми странными отражениями, которые добро или зло являют в нем.

– Я посмотрюсь в Зеркало Пропавших Детей, – сказал Джеральд, с вызовом поднимая голову, – и если я усмотрю в том особую необходимость, то унесу это зеркало из Антана. Когда гражданин Соединенных Штатов Америки начинает заниматься искусством, сэр, он берется за дело всерьез.

– Что до меня, – ответил Силан, – то я много веков назад устал от всех видов волшебства и жажду, скорее, материальных жизненных удовольствий. Ведь более пятисот лет моей беззаботной жизни в Кэр Омне, в стране Дэрсам, я царил среди снов Божества.

– Но каким же образом достались вам эти сновидения?

– Они покинули его, Джеральд, когда пробил его час войти в Антан.

– Это выражение, сэр, мне непонятно.

– А вам и необязательно, Джеральд, понимать его. Так или иначе, я должен признать, что жизнь Силана лишена риска, Силану нечего бояться, а во мне присутствует частица смертного, для которой невыносимо состояние нерушимого довольства. Понимаете ли, я тоже некогда был смертным человеком с его заблуждениями, страхами и сомнениями, ко-

которые придавали пикантность моему вынужденному почтению к неизменной глупости моих друзей и неизменной жестокости времени и случая. И насколько я помню, Джеральд, тот Гуврич, которого люди столь нелепым образом называли Мудрым, от своих уверток и компромиссов получал больше жизненной энергии, чем я извлекаю из беззаботного и довольно скучного прозябания в течение двадцати четырех часов каждого невыносимого дня. Поэтому, я повторяю, я приму у вас ваше физическое тело...

— Но это, мой дорогой друг, оставит меня без какой-либо плотской обители.

— Я, Джеральд, однако же, удивлен таким скептицизмом в вас, в человеке, который столь регулярно уплачивает церковные взносы! Старая добрая традиция учит нас, что у каждого человека есть тело физическое и тело духовное.

Джеральд покраснел. Он почувствовал, что его эрудиция и благочестие были подвергнуты сомнению. И он с раскаянием сказал:

— Действительно, как член Протестантской Епископальной Церкви, я знаком с Погребальной Службой. Да, вы правы. Я не желаю спорить со Святым Павлом. Религия моих отцов уверяет меня, что я обладаю двумя телами. Я могу жить только в одном из них в одно время. Для всякого неженатого человека несколько неприлично жить на два дома. Итак, давайте продолжим.

— Поэтому, повторяю я, я приму у вас физическое тело,

подобно тому, как тот первый Глом однажды принял мое тело, и я приму у вас все ваши телесные затруднения, даже касающиеся вашей возлюбленной, с которой вряд ли будет много труднее поладить, чем с семью официальными женами и тремястами пятьюдесятью с лишним наложницами, от которых я избавляюсь.

– Вы, – сказал Джеральд угрюмо, – не знаете Эвелин Таунсенд.

– Я полагаю, – заявил Силан с большей долей галантности, – что удостоюсь этой чести завтра.

Таким образом, сделка была заключена. И затем Силан, которого звали Глом Взгляд Одержимого, сделал все, что требовалось.

Глава 3

Два Джеральда

Силан, которого звали Глом Взгляд Одержимого – повторим это, – сделал все, что требовалось. Для Джеральда как исследователя магии большая часть процесса была вполне знакома, и если некоторые необычные заклинания и были для него, возможно, новыми экскурсами в искусство волхвования, то это не было заботой Джеральда. Достаточно было

того, что, когда Силан закончил, никакого Силана видно не было. Вместо этого в библиотеке Джеральда Масгрэйва стояли лицом к лицу два Джеральда, каждый в синем кафтане и золотисто-желтом жилете, каждый в высоком белом воротничке с кружевным жабо у горла, и каждый был облачен во всех отношениях точно так же, как другой.

Эти два худощавых, рыжеволосых Джеральда не отличались и выражением лица. Каждый улыбался другому одним и тем же изящно изогнутым, очень женственным ртом, расположенным над тем же самым выступающим длинным подбородком, и каждый обнаруживал одну и ту же самую ленивую и слегка насмешливую иронию в больших и очень темных, почти фиолетовых глазах другого.

Один член этой странной пары в данный момент сидел за письменным столом. Поигрывая лежащими на нем бумагами, он взял страницы неоконченного романа Джеральда Масгрэйва о возвышенной любви его знаменитого предка Дон Мануэля из Пуактесма к мадам Ниафер, дочери Солдана Варвара. Джеральд начал эту повесть в те дни, когда он намеревался одарить Америку литературой лучшей, чем в других странах, однако уже несколько месяцев пренебрегал ею. Фактически, с тех пор как Джеральд занялся изучением магии, он, отдавая каждый свободный момент рунам, колдовским знакам и воскурениям, и не имел времени вернуться к какой-либо серьезной работе над своим романом.

Затем сидящий Джеральд с почти печальной улыбкой по-

смотрел на своего двойника.

– Так это было, – сказал сидящий Джеральд, – очень давно, в Эше, когда два Гуврича стояли лицом к лицу и ожесточенно боролись за контроль над физическим телом Гуврича Пердигонского. Все, что я потерял в тот день, в результате моей сверхчеловеческой привязанности к Двум Истинам, я возвращаю теперь, спустя пятьсот лет приятного времяпрепровождения в стране Дэрсам. И я застаю это мое второе физическое тело за сочинением еще более приятной чепухи не о ком ином, как об этом вечном Мануэле Пуактесмском! Я нахожу это тело очарованным фиговым листком любовной истории!

– Я, может быть, не понимаю вашего сравнения, – сказал стоящий Джеральд, – но в Соединенных Штатах Америки фиговый листок является, скорее, прекрасным символом благопристойности, которая, разумеется, есть альфа и омега демократической морали.

– Несмотря ни на что и благодаря всему этому, – ответило в тот момент одержимое демоном тело Джеральда Масгрэйва, – фиговый листок – это любовная история, при помощи которой человеческий оптимизм прикрывает те две вечные, неизменные и весьма неприглядные истины, в которых только и может быть уверена любая наука.

– Вот теперь я понимаю! И хотя я и не согласен с вами полностью, я не могу отрицать, что в вашей метафоре что-то есть. Однако, должен сказать вам, сэр, что я, возможно,

особо уполномочен иметь дело с Дон Мануэлем по той причине, что сей знаменитый герой был моим прямым предком.

— О, ну разумеется, мой бедный Джеральд, он был им!

— Да, как по линии Масгрэйвов, так и по линии Аллонбай. Ведь отцом моей матери был Джеральд Аллонбай...

И Джеральд приготовился пуститься в подробное объяснение связей, которыми семья Масгрэйвов справедливо гордилась. Но невосприимчивый Силан, облаченный в данный момент в добрую плоть и кровь Масгрэйвов, из всех мыслимых замечаний сделал следующее:

— Я вам искренне соболезную. Ведь предков нельзя подбирать, как землянику. А моя участь была даже худшей, поскольку я принадлежал к содружеству Мануэля. Я знал самого этого долговязого щеголя в течение всей его непутевой жизни. И я могу вас заверить, что, помимо его сверхчеловеческого таланта держать рот на замке, в этом косоглазом седом обманщике не было ничего замечательного.

Эти известия были удивительны. Однако Джеральд понимал, что демон, в порядке вещей, встречал многих людей при обстоятельствах, в которых лучшая сторона их натуры была не на переднем плане. Поэтому Джеральд стал защищать честь своего рода весьма учтиво.

— Мой предок, во всяком случае, пережил свое жульничество. Он умер в доброй славе у своих близких. А так, вы можете заметить, обычно и бывает с гражданами Соединенных Штатов Америки. И я, в свою очередь, уверяю вас, что мой

отчет о великих подвигах Мануэля станет, по завершении, исключительно прекрасным романом. Это будет повесть, которой нет равных в Америке. В каждой странице ее кроется очарование, озаряемое неугасающим блеском остроумия. Сквозь освежающий поток эпиграмм под зонтом изысканного стиля маршируют потрясающие и оригинальные мысли, в то время как неиссякаемая фантазия скачет легким галопом по самым возвышенным областям любовной истории. В самом деле, это повесть, которая, как вы можете убедиться, захватывает читателя. Невозможно представить себе читателя, который не увлекся бы мгновенно моим изысканным описанием смелости и геройских достоинств Дона Мануэля...

– Однако, – сказал Силан с притворной учтивостью, – Мануэль был вечно простужен. Никто не может искренне восхищаться пожилым господином, который постоянно чихает и харкает.

– В достойных уважения образцах американской литературы ни одно человеческое существо не имеет выделительных функций. Если бы вы поразмыслили над этим утверждением, вы бы пришли к выводу, что это единственный подлинный критерий утонченности. На эту сторону порнографии могут пролиться, самое большее, несколько слезинок или одна-две капельки пота. Таковое правило в особенной степени применимо к любовным историям, по соображениям, в которые нам едва ли следует вдаваться. А мой роман, разумеется, является историей любви Дона Мануэля к пре-

красной Ниафер, дочери Солдана Варвара.

— Ее отец был конюхом. У нее была кривая нога. Она не была красавицей. Ее лицо было плоским как блюдо, она была, несомненно, уродиной, не говоря уже о ее жажде всех переделывать и всем докучать своей респектабельностью.

— Вера, любовь и надежда суть три главные добродетели, — промолвил Джеральд с укором, — и, я полагаю, джентльмен должен показывать все три, именно в такой последовательности, когда обсуждает происхождение, внешность или ножки любой дамы.

— И от нее дурно пахло. Казалось, с каждым месяцем от нее пахнет все хуже. Я не знаю почему, но я думаю, что графиня просто-напросто ненавидела купание.

— Мой дорогой друг! Сейчас я могу только отослать вас к сказанному мною выше правилу как к анатомии романа. Героиня, которая каждый месяц дурно пахнет... нет, честное слово, в этой идее я не нахожу ничего заманчивого. Я скорее бы обыграл иную и более привлекательную идею, чем мысль, настолько лишенную соблазнительности. Ибо рукопись, лежащая перед вами, это не показание под присягой, но роман. Это такой роман, который не имеет аналога в Америке. Поэтому я полагаю, что проявляю большое великодушие, предоставляя вам эти, ровным счетом, девяносто три страницы и позволяя вам дополнить сей роман и получить доверенность на написание его целиком. Да! Ваш портрет будет в газетах, и ученые профессора будут комментировать ваши

любовные интрижки, а грядущим векам станут известны все подлости, которые вы когда-либо совершили.

На это Силан ответил:

– Без сомнения, я доведу до конца вашу галиматью, поскольку все ваши функции теперь перешли ко мне. Я закончу ее, если только мой здравый смысл, опыт пяти столетий жизни среди самых очаровательных снов Божества и, что самое главное, полученная мною из первых рук информация об этих людях не воспрепятствуют моей задаче приписывать человеческим существам великие добродетели.

– Я завидую вашей задаче, – промолвил Джеральд глубокомысленно, – но подобно тому, как моему знаменитому предку было предназначено судьбой составить величину в этом мире, так и я ощущаю точно такое же побуждение в себе. Мне суждено достигнуть совершенства в моем искусстве, а чтобы совершить это, я должен произнести величайшие и наилучшие слова Магистра Филологии.

С этими словами Джеральд вышел из комнаты через ход, о существовании которого он не знал до этого вечера.

Глава 4

Дьявол в Библиотеке

И все-таки Джеральд оглянулся на мгновение на несчастного дьявола в облике степенного рыжеволосого юноши, который остался в библиотеке. Сейчас этот Джеральд Масгрэйв выглядел как чудаковатый знакомый, в котором Джеральд не был, в конечном счете, глубоко заинтересован.

Ибо сей Джеральд Масгрэйв, который остался в библиотеке, был и в самом деле смешон почти что во всех отношениях. В том Джеральде, который сейчас – пожалуй, не без благородства – предпочел скорее отдать свою жизнь, чем нарушить кодекс чести джентльмена, и который сейчас покидал Личфилд, чтобы стать квалифицированным чародеем, не было ничего смешного. Этот Джеральд был достойным и интеллигентным человеком, преследующим возвышенную и разумную цель.

Но та часть Джеральда Масгрэйва, что осталась позади, та его часть, которая уже выстраивала все большее множество слов, дабы произнести еще более помпезную надгробную речь о подвигах Дона Мануэля из Пуактесма, казалась смешной. Для этого рыжего паренька не было, за единствен-

ным исключением, никакой веской побудительной причины марать чернилами чистую бумагу, когда он мог бы в тот самый момент уютно выпивать за обедом у Вартрея, либо получать приятное возбуждение от капризов фортуны в казино Дорна, либо развлекаться в веселой компании в четырех спальнях.

Но вместо этого он сидел в одиночестве, окруженный вздымавшимися со всех сторон пыльными книжными полками – весьма приземистыми книжными шкафами, на верхушках которых громоздилась милая сердцу орда фарфоровых и бронзовых статуэток, изображающих ту или иную зверушку, птицу или рептилию. Посреди блестящих игрушек, которые сами по себе свидетельствовали о его ребячестве, паренек по своей собственной воле сидел столь одиноко. И его ужимки, бесспорно, были комичны. Он нервно поеживался. Он ерзал на стуле. Он грозно склонялся, словно охваченный внезапным приступом ярости, над лежащей перед ним бумагой. Он запрокидывал голову, чтобы пристально уставиться на белую китайскую курочку. Он теребил мочку левого уха, а затем неистово ковырял в ухе мизинцем.

В промежутках между этими физическими упражнениями он, столь ненадежным образом расположившийся на поверхности непредсказуемо раскачивавшейся в пространстве планеты, своей сильно обкусанной черной ручкой делал на лежащей перед ним бумаге маленькие царапинки, большую часть которых он тотчас же замарывал другими цара-

пинками, все это время сохраняя выражение человека, занимающегося каким-то умным и действительно важным делом. Зрелище было странным и невыразимо безумным, поскольку, как всегда, для постороннего наблюдателя движения творческого письма являли тот налет гротеска, который накладывается на всякую разновидность процесса порождения.

Но важнее было то, что Джеральду было искренне жаль наследника физического тела Джеральда Масгрэйва. Ибо Джеральд, расставаясь с жизнью из уважения к кодексу чести джентльмена, испытывал облегчение гораздо большее, чем он мог позволить Силану заподозрить. И бедный дьявол, который столь неосмотрительно взял себе эту жизнь, мог – каким бы острым ни был его дьявольский ум, – он тоже мог, в конце концов, думать Джеральд, оказаться бессильным против этой безрассудной Эвелин Таунсенд и еще более неблагодарного джентльменского кодекса.

Никто, бежала вперед мысль Джеральда сейчас, когда он нашел себе великолепную идею для игры, ни один человек, который не был замешан в опасную любовную интригу в Личфилде, не смог бы вполне понять безнадежность положения несчастного дьявола. В куртуазном Личфилде 1805 года прелюбодеяние было обставлено неизбежным этикетом. Подробности ваших взаимоотношений с женщиной в маленьком городке были общественным достоянием, известным каждому, но ни один житель Личфилда никогда бы не

признал формально, что таковые отношения существуют. Взгляды могли встречаться с совершенным взаимопониманием, но с породистых губ ни одного южного джентльмена или благородной женщины никогда бы не сорвалось ничто большее, чем мягкое и безмятежное «Эвелин и Джеральд всегда были такими хорошими друзьями». Начнем с того, что вы троюродные брат и сестра: а в Личфилде (где, как и везде в этом человеческом мире, большинство людей искренне недолюбливали, принижали своих кузин и кузенов и старались держаться от них подальше) такое родство считалось естественной причиной для вас обоих проводить много времени вместе. Более того, всякая женщина в Личфилде, по другому весьма распространенному общественному соглашению, считалась прекрасной, образованной и целомудренной. Это предположение не требовало доказательств: для всех землевладельцев-южан это была просто аксиома в обширном кодексе благородства.

Отсюда следовало, что как только вы однажды оказывались вовлечены в любовную связь, вашим единственным спасением становилась надежда, что ваша партнерша по беззаконию охладает к вам и перестанет настаивать на том факте, что она вам доверилась и отдала вам все. Это, разумеется, по предписаниям южного рыцарства, оставалось в любом случае ее привилегией, но в данном случае неосмотрительная женщина продолжала испытывать к Джеральду все более и более нежные чувства и повторяла ужасные слова все

чаще и чаще... И оставалось также привилегией формально оскорбленного мужа затеять с вами ссору, с тем единственным условием, чтобы в перечне поводов для таковой ссоры ни при каких обстоятельствах не упоминалось имя его жены. Затем, опять же по установленным правилам личфилдского этикета, должна была состояться дуэль. После дуэли вы либо оказывались прискорбным образом мертвы, либо, в противном случае, если бы вы остались гораздо более несчастным победителем, вы были бы обречены, просто в силу всеобщего молчаливого убеждения в том, что джентльмен не может поступить иначе, жениться на вдове. Поступить так было, в широком смысле, вашим общественным долгом, возмещением ущерба, который вы причинили репутации дамы тем, к чему она, довольно-таки странным образом, по единодушному мнению была совершенно непричастна. Ибо никогда, при любом исходе, нельзя было допустить, чтобы случилось что-либо «неправильное» – и ни малейшего намека на самую возможность совершения дамой прелюбодеяния не должно было содержаться в каком бы то ни было высказывании или поступке благородного личфилдского помещика.

Между тем вы оказывались в ловушке. Не оставалось никакого способа избежать этого проклятого «О! Я доверилась тебе! Я отдала тебе все!» У вас даже не было привилегии избегать женщины. Считалось по-человечески невозможным, чтобы вас утомляло, а временами безумно раздражало общество прекрасной, образованной и целомудренной

дамы, которая удостоила вас своей дружбы. Напротив, вас повсюду преследовала молчаливая, но огромная сила всеобщего убеждения, что ваш долг перед ней никогда не сможет быть полностью уплачен. Плачевная, и иногда также довольно милая, неспособность любящей женщины держать руки прочь от вас сознательно не замечалась. Поэтому ваша кузина Эвелин прилюдно лапала вас, хозяйки, улыбаясь, сводили вас вместе, другие мужчины при вашем появлении любезно оставляли вас наедине. Муж ее не был исключением: Фрэнк Таунсэнд также добродушно допускал (вопреки всяческому благоразумию, которое мог бы частным образом сохранить мужчина) как аксиому, что «Эвелин и Джеральд всегда были такими хорошими друзьями».

Разумеется, Джеральд отдавал себе отчет в том, что в высших кругах лучших южных семей это был исключительный случай. Снова и снова Джеральд начинал завидовать десяткам других молодых людей Личфилда, которые поддерживали свои внебрачные связи с большей удачей. Ведь дамы либо уставали от них, либо оказывались своевременно поражены приступом раскаяния, и эти веселые парни с легким сердцем переходили в объятия других в формальном отношении прекрасных, образованных и целомудренных подруг. Но Эвелин проявляла упорство, которое угрожало быть вечным: Эвелин не охладевала к Джеральду; она лапала его; она совала ему в руку записки; она почти каждый день произносила свои невыносимые обвинения, нарушая его спокойствие

и комфорт, а он со всей горячностью проклинал свое роковое обаяние, которое держало его в столь отчаянном одиночестве.

В одиночестве, потому что ни убогие удобства откровенности, ни даже какие-либо поиски сочувствия не были вам дозволены. Благородный человек не может целоваться и рассказывать об этом; более того, он не может даже сказать, что поцелуи стали адским мучением. Ни братья, ни сестры ваши (даже когда ваша праздность и полная никчемность вынуждают Агату с хныканьем цитировать Новый Завет или заставляют ее со скрипом мельничного колеса бормотать зловещие пророчества) никогда бы не обвинили вас открытым текстом в том, что вы и кузина Эвелин состояли в недозволенной близости. И ни один из ваших родственников никогда бы не стал даже рассматривать возможность, что вы сами, в свою очередь, можете открыто говорить об этом или каким-либо иным образом нарушить нормы поведения, установленные для всякого джентльмена безумным и величественным кодексом Личфилда.

Ибо он был, все-таки, по своему величествен, тот кодекс, по которому эти болваны Масгрэйвы (которые делили с вами кровь, текущую в ваших жилах, но не разделяли ни одной мысли в вашей на удивление умной голове) совместно со всем остальным храбрым и глупым Личфилдом жили день за днем и уносили добродушное, ничем не омраченное самоуважение с собой в могилу. Этот кодекс не обходил сторо-

ной, насколько мог судить Джеральд, ни одной разновидности проступка или преступления, но он показывал вам каким образом, с подобающими и наиболее изящными жестами, по возникновении надобности совершить любое из них способом, предписанным для благородного южного джентльмена. Да, на самом деле, Джеральд понимал, что кодекс этот был довольно красивой идеей, чтобы с ней «поиграть». Быть джентльменом – это прекрасно, но в конце концов это всегда оказывалось фатально по той простой причине, что ни одна дама джентльменом не является.

Однако теперь именно бедный дьявол в библиотеке становился вовлеченным в опасную задачу поддержания внебрачных любовных отношений в Личфилде по законам благородных людей. Именно ему на ухо все еще очень милая, но чертовски навязчивая Эвелин будет каждый день снова и снова повторять, что она доверилась ему и отдала ему все. А сам Джеральд, который изящно предпочел отказаться от жизни, нежели нарушить этот ужасный джентльменский кодекс, был сейчас, безусловно, больше занят тем, чтобы стать квалифицированным волшебником.

Никогда не будет он снова сидеть и писать, окруженный книжными полками и погруженный в себя, потирая лоб или подбородок, почесывая голову или ковыряясь в ухе мизинцем, либо переваливаясь с одной ягодицы на другую, в многообразных попытках как-нибудь ускорить ход застопорившейся мысли. Он больше не застынет неподвижно, подпе-

рев подбородок (как правило, неприятно влажной) ладонью, устремив бессмысленный взгляд на ту или иную из фарфоровых либо бронзовых игрушек, которые он, как идиот, собирал, чтобы оживить вид своих книжных полок. Все эти нелепые упражнения, выполняемые последние несколько минут физическим телом Джеральда Масгрэйва, как мог видеть стоящий в отдалении Джеральд, явно не составляли заманчивого и здорового способа проводить вечер в этой несколько душной комнате.

Нет, теперь он навеки благополучно покончил со всей этой проклятой гимнастикой. Отныне только физическому телу Джеральда предстояло корчить эти дурацкие гримасы писательства перед сообразно безумной аудиторией маленьких слоников и собачек, попугайчиков и курочек, в этом совершенно милом юношеском устремлении окончить роман о Доне Мануэле Пуактесмском... Да, оставалось лишь пожелать бедному дьяволу получить радость от своего бремени! И более не имело никакого значения, что все, принадлежавшее Джеральду Масгрэйву, было довольно смешным. Так решил Джеральд, отворачиваясь и удаляясь от этой рыжей головы, склонившейся над беспрестанно скрипящим пером.

Часть II

Книга молнии

Дареному коню в зубы не смотрят

Глава 5

Крещение Жеребца

Джеральд спустился на девятнадцать ступенек вниз, и в полумраке обнаружил стоящего в ожидании рядом с оседланым конем еще одного молодого человека, с волосами такими же рыжими, как и у самого Джеральда Масгрэйва.

– Для того, чтобы ты мог быстрее свершать свое странствие к предназначенной тебе цели по дороге, где любят разгуливать женщины, – начал незнакомец, – я раздобыл для тебя коня.

Говорящий не был незнакомцем в полном смысле слова. Изучая магию, Джеральд уже имел дело с рыжеволосым Горвендилом – Лордом Предместий Антана.

И Джеральд сказал с благодарностью:

– Как это мило с твоей стороны. Даже если это просто дань

уважения коллеге по искусству, это все равно весьма любезно.

– Любезности между коллегами по искусству обычно бывают обоюдоострыми, – отпарировал Горвендил, – а об эту можно порезаться глубже, чем ты можешь предвидеть.

– Однако же ты привел мне этого огромного сияющего коня, который не может быть не кем иным, кроме как самим Пегасом...

– Является или нет этот божественный скакун тем самым Пегасом, который уносит романтиков прямо к последней цели их мечтаний, зависит от всадника. Пророчество, однако, гласит, что Искупитель Антана и монарх, который воцарится в стране за пределами добра и зла после свержения Магистра Филолога, придет верхом на серебристом жеребце, имя коего не Пегас, а Калки.

– Ага! – воскликнул Джеральд; он на мгновение задумался над тем, каким удивительным образом обернулось дело. Воцарение в Антане определенно не входило в его скромные планы, но он сразу же понял, насколько более подходящим было бы, и как лучше подходило к его настоящим заслугам – въехать в Антан, не встречая сопротивления, в качестве его бесспорного наследника, на серебристом жеребце, воспетом в древних пророчествах, нежели в качестве просителя, умоляющего подать ему несколько слов.

– Все образованные люди, – сказал Джеральд, – должны уважать пророчества. Вот только действительно ли этого ко-

ня зовут Калки? Потому что, видишь ли, Горвендил, это, кажется, самая суть пророчества.

Горвендил ответил весьма парадоксально:

– Является или нет этот божественный скакун тем самым Пегасом, который уносит романтиков прямо к последней цели их мечтаний, зависит от всадника.

Джеральд решил, что понял изречение, улыбнулся и заметил:

– Ага! Теперь я тебя понимаю. Всадник и владелец любого коня, естественно, в праве назвать животное как ему угодно. Ну что же, прекрасно! Я назову этого коня Калки. Да, Горвендил, по зрелом размышлении, я принимаю трон Антана, несмотря на мои личные предпочтения и всю мою неприязнь к тщеславию и хвастовству, только ради того, чтобы пророчество исполнилось, ибо для пророчеств это всегда хорошо.

– Раз ты так решил, Джеральд, то после того как ты принесешь присягу, тебе остается только без промедления сесть на коня. И божественный скакун понесет тебя не по обычной дороге, но – так как он божественный – по дороге, которой шествуют в Антан боги и мифические существа.

– Разумеется, мне подходит путешествовать по дороге, предназначенной для высших классов. Тем не менее, я полагаю, это была бы прекрасная идея...

– Тем не менее, также, – сказал Горвендил, – в то время как ты разглагольствуешь здесь о прекрасных идеях, надо еще принести присягу; и более того, сейчас, на первой

стоянке в Дунхэме тебя с нетерпением ожидает принцесса. Можно без преувеличения сказать, что она жаждет встречи с тобой.

— Однако же ты говоришь мне все более приятные вещи! — заметил Джеральд. — Теперь, когда я принял обязанности монарха и ответственность за все величайшие и наилучшие слова Магистра Филолога, мне — тому, кто фактически является царствующей особой — совершенно не подобает игнорировать принцессу. Между монаршими домами существуют дружеские отношения, которые необходимо поддерживать. Ужасные войны вспыхивали из-за того, что о таких дружеских отношениях забывали. Итак, води меня вперед к этой нетерпеливой принцессе, но сначала назови мне обожаемое имя ее высочества!

Горвендил ответил:

— Принцесса, которая ожидает тебя сейчас — это Эвашерах, правительница первой водной стоянки Дунхэма.

— Я признаю, что сведения, которыми я обладаю сейчас, очень мало о чем говорят мне. Тем не менее, води меня к водной стоянке этой принцессы!

— Однако, я повторяю, для тебя было бы благоразумнее, прежде чем покинуть это место, принести присягу его правителю.

— Но, Горвендил, название этой тропической, влажной и столь необычно пахнущей местности несомненно лучше известно тебе, чем, каюсь, мне.

– Это место никак не называется на человеческом языке. Это область Колеос Колерос.

Услышав имя, Джеральд склонил голову и, так как он изучал магию, сделал соответствующий знак.

И Джеральд сказал:

– Ужасно имя Колеос Колерос! И даже если бы я не был прихожанином Протестантской Епископальной Церкви, я не принес бы присяги Колеос Колерос. И я, определенно, не стану задерживаться здесь, чтобы принести какую-либо клятву, когда меня ожидает принцесса! Более того, я намереваюсь поспешно проехать через эту страну болот и кустарника и покинуть эти несколько негигиенично пахнущие места, где, полагаю я, обитают некоторые заблудшие особы.

Ибо эти два молодых человека не были одни в сей сомнительной долине. Сквозь сумерки Джеральд мог разглядеть, как множество женщин крадучись пробирались к темной лавровой роще, а из рощи доносилась странная музыка.

И тогда Горвендил повел речь об этих женщинах.

Глава 6

Эвадна – царица сумерек

Аккомпанементом к рассказу Горвендила служила стран-

ная музыка, доносившаяся издалека, и Джеральд был обеспокоен. Он был так близок к тому, чтобы начать тревожиться, как вообще когда-либо себе позволял. Ибо Джеральд на самом деле не любил какого бы то ни было беспокойства и прямо говорил, что находит его неподобающим.

– Но они, – снова и снова повторял Джеральд, – все они, мой милый друг, как я полагал, давным-давно вымерли.

– Ты странствуешь, Джеральд, по пути великих мифов. Такие мифические существа быстро не исчезают. И кроме того, в окрестностях Антана ничто не истинно. Все есть подобие и эхо, и благодаря этой видимости люди познают неправду, которая делает их свободными. Следовательно, по моему разумению, эти женщины являются флейтистками Колеос Колерос. Ныне они, вечно неудовлетворенные, служат ненасытной, косматой и вечно вождедеющей богине, которая не может вкусить наслаждения, пока не прольется кровь.

– Да, я читал, – вставил Джеральд с видом человека, который не хочет выставлять напоказ свою ученость, – что эта Колеос Колерос – та самая противоречивая богиня, которая с большим или меньшим постоянством выказывает свою похотливость и изощренность...

– Да! Но эта Колеос Колерос – богиня очень могущественная! – продолжал Горвендил. – С виду она морщинистая и жирная, но даже самые стойкие герои не в силах противостоять ее обаянию. Младенцы гибнут в ночи в ее мрачных

подземельях, мор и чума обитают там...

Но Джеральд снова прервал его:

– Однако, я слышал также, что эта наискромнейшая богиня вечно жаждет остудить пыл своих поклонников и что – если уж добродетель как таковая заслуживает похвалы – в своей битве со всеми мужчинами, которые осмеливаются ей противостоять, она великодушно принимает и с любовью обнимает именно того соперника, который наиболее часто и с наибольшим рвением на нее нападает.

И тут Горвендил вытянул руку. Он прикоснулся кончиком указательного пальца к кончику большого и сказал: – Она – как Луна, меняет свой облик. К тому же это маленькое божественное чудовище является подателем жизни и хранителем всяческого счастья. Она околдовывает вопреки разуму. И где бы она ни появилась, в окружении своих распаленных, огненных и ужасных жриц, мужчина волей-неволей делит с ней ложе.

– Ага! – сказал Джеральд, и поскольку он изучал манию, он снова сотворил соответствующий знак:

– Ага! Похоже, эта Колеос Колерос – весьма могущественное божество!

– Так вот, – продолжал Горвендил, – все здешние служительницы этой капризной богини – милый и необычайно счастливый народ. Их любвеобилие, не отравляемое здесь назойливым порицанием, никогда не имеет нужды опасаться ни наказаний закона людского, ни проклятий какой-либо

религии в укромных чащах и низменностях влажной страны Колеос Колерос. Но посмотри-ка: эти сказочные существа, что играют сейчас на флейтах внутри и вокруг святилища морщинистого божества и которые за много веков изощрились во всех родах наслаждения, мало-помалу начинают волноваться...

– О каком волнении ты говоришь, Горвендил? Ибо мне кажется, что ты имеешь в виду, скорее, возбуждение... А меня гораздо более интересует эта принцесса...

– Я имею в виду, что их религия, которая ставит наслаждение превыше всего, не позволяет ни одному мужчине пройти мимо неудовлетворенным. В соответствии со своими религиозными убеждениями, они посвящают свою жизнь усердному познанию всех присущих женщине чар, и в особенности того, как эти чары применяются на практике...

– Проще говоря, они занимаются духовными упражнениями, сэр, ибо я вполне понимаю вас.

– Отсюда следует, что вкус этих женщин становился все тоньше. В силу осознания своего женского очарования и в результате тщательного и ревностного сопоставления собственной привлекательности с прелестями своих соперниц на службе у морщинистого божества, они стали знатоками присущих своему полу достоинств. Они достигли такой утонченности вкуса...

– Достигнуть утонченности – это весьма похвально. Ах, мой милый друг, если бы ты знал, какие удручающие образ-

чики безвкусицы мы, короли, постоянно наблюдаем у наших сикофантов! И я припоминаю, ты что-то говорил о принцессе...

– Они научились презирать суетливое, грубое и – между нами – очень часто весьма разочаровывающее поведение мужчин в постели...

– Ах, ну да, конечно же! – сказал Джеральд. – Мужчины – это неудачный выбор. Но мы говорили о принцессе.

– И они любовно изобрели гораздо более забавные и изощренные развлечения, не требующие грубой мужской помощи. Также они с восторгом играют с различными дрессированными животными: с козлами, крупными псами, ослами и – как они мне рассказывали – с баранами и быками. Так что удивительные и загадочные страсти, которые полыхают в сердцах этих флейтисток, весьма изысканны и жестоки.

На это Джеральд заметил, что ласковое отношение к бессловесным животным в Соединенных Штатах Америки всегда считалось наилучшей чертой человеческой натуры. Но принимая во внимание тот факт, отметил Джеральд, что во всех областях этой просвещенной и гостеприимной республики принцесса...

– Однако, – продолжал Горвендил, – эти ученые женщины в своей погоне за чувственным наслаждением не забывают о своем религиозном долге – не дать ни одному мужчине уйти неудовлетворенным. Ступай же к ним, и тебя примут

с распростертыми объятьями. Там, в этот самый момент, готовится религиозное празднество. Там ждет тебя сладкоголосая Левкозия, в этих краях именуемая Эвадной.

– Но я не имею чести знать эту Эвадну.

– Ее легко узнать по фиолетовым волосам и острым зубам. Более того, Джеральд, ее мудрые сестры – Телес и Парфенопа, Радна, Лигейя и Мольпе – все они восторженно приветствуют тебя. Они не утаят от тебя ни одного из своих благочестивых обрядов. Они трепетно поделятся с тобой своими эзотерическими утехами. Они закружат тебя в своем хороводе в самом «святая святых» капища Колеос Колерос.

– Но послушай, любезный друг мой! Я напрочь лишен музыкальных способностей. В любом хоре мое присутствие совершенно неуместно.

– Но эти флейтистки чрезвычайно находчивы. Они подыщут для тебя какой-нибудь подходящий инструмент. И на этом празднестве оживут причудливые гармонии, и будет раздаваться дружелюбный смех: все пирующие станут совершать обильные возлияния, а кубки будут наполняться и осушаться до самого рассвета. Тебе будут предложены благовония и венки из роз, самые утонченные вина и изысканные блюда, а также всевозможные деликатесы. *Piece de resistance* будет приготовлено для тебя девятнадцатью различными способами. Необходимая присяга Колеос Колерос будет принесена.

– Тем не менее, – сказал Джеральд, – мне не дает покоя

одна фраза...

– Та тенистая лавровая роща служит залом для благочестивого пира. На этом празднестве ты ни в чем не будешь испытывать недостатка, если отнесешься к нему с должным благоговением; и ты откроешь в себе возможности, которые удивят тебя.

– Да прекрати же, наконец, Горвендил! Да, у меня полный набор мужских способностей; у меня этих способностей на двоих хватит. Тем не менее, существует патриотическое изречение, которое не дает мне покоя, и это изречение гласит: «E pluribus unum». Ибо у меня есть убеждения, Горвендил, которые звучат как вольный перевод этой фразы, а именно: «Из многих – одна».

– Это изречение кажется мне вполне безобидным, даже в твоём переложении. Гораздо больше вреда будет, если эти ученые дамы попытаются стащить тебя с божественного скакуна, чтобы присовокупить его к своему зверинцу.

– О да, да, конечно! – воскликнул Джеральд. – Но ведь это бессмыслица! Всадник верхом на Калки и никто другой должен исполнить это почтенное древнее пророчество, и чего стоит женская лесть, когда такое прекрасное королевство, как у меня, поставлено на кон против обычного поцелуя или, может быть, нескольких слезинок!

– Это мы в свое время увидим. Я могу только повторить, что если ты не принесешь мужскую присягу правительнице этого места, то оскорбленное божество, без сомнения, ото-

мстит за себя.

– Сэр, – отвечал на это Джеральд с достоинством, – я, как и мои предки, являюсь прихожанином Протестантской Епископальной Церкви. Мыслимо ли, чтобы человек, исповедующий таковые убеждения, поклонился божеству темного язычества? Ответьте мне только на этот вопрос!

– В Личфилде, – парировал Горвендил, – следовать вере отцов считается благопристойным. В этих краях так же, как и в любом другом месте, благопристойность поневоле является религией любого мудрого человека. В противном случае ты поступил бы вопреки тому, чего ожидают от потомков Мануэля и Юргена, и у тебя всегда будет причина пожалеть об этом.

Но Джеральд думал о своей религии, и о ее милых обычаях вроде органной музыки и дней святых, о широте взглядов, о восхитительных епископах в облачениях с длинными рукавами и о величественных ритуалах. Он размышлял о свежевывмытых мальчиках из церковного хора и о чудесных, переполняющих уста речениях из его молитвенника, о молебнах и постных днях и о Троицыном Дне. Он думал о кафедрах и молитвенных подушечках, о витражах и пономарях, и о Тридцати Девяти статьях, и о непредсказуемой величественной математике, которая всякий раз в начале весны в сотрудничестве с молодой луной дарила ему Пасху, и от этих вещей Джеральд не мог отречься.

И он сказал:

– Нет. Нет, Горвендил! Я не принесу присягу морщинистой богине.

– Это решение дорого тебе обойдется.

– Ну и пусть! – гордо подняв голову, ответил Джеральд. – Ибо добрый христианин не усматривает в раздражительности никакой языческой богини ничего такого, отчего могли побледнеть его щеки, и что могло бы вызвать трепет в его сердце.

Но все это время он нежно вглядывался в темноту.

– Впрочем, я признаю, – сказал Джеральд, пожав плечами, – что как бы ни была тверда моя вера, и даже при том, что меня ожидает принцесса, я испытываю соблазн. Ибо вон та флейтистка, которая все еще медлит присоединиться к своим подругам – которые сейчас, несомненно, уже начинают свои игрища друг с другом и со своими зверушками, – обладает известным обаянием. Да, у нее есть обаяние, которое придает моим мыслям, как бы сказать, эдакое религиозное направление и создает впечатление, что познакомиться с ней – довольно неплохая идея. Прискорбно, конечно, что ее ноги покрыты перьями. Но при этом, в своем досужем уединении, она являет, как можешь заметить и ты, избыток той наиболее заманчивой красоты, благодаря которой Афродита некогда заслужила эпитет «Каллипиги». С какой – то благочестивой радостью созерцаю я изгибы плеч, белизну и чистоту кожи и грациозность сих великолепных очертаний, которые, не имея ни избытка, ни недостатка, обретают свое завершение

в этих прекрасных лунах-близнецах...

Немного помедлив, Джеральд сказал:

— Однако есть что-то смутно знакомое, нечто вызывающее у меня легкий озноб...

Затем Джеральд подумал и продолжил:

— Или, скорее всего, в то время как она неспешно удаляется от нас, их колебания, их прелестное подрагивание, их колыхание, подергивание, когда они нежно пульсируют, как будто покрываясь рябью, — скорее всего эти чарующие движения серебристо-лунных округлостей напоминают моему затуманенному взору беспорядочные улыбки озаренной солнцем поверхности моря, которые, как ты, конечно, помнишь, Горвендил, так прекрасно живописал старик Эсхил. Полагаю, я мог бы сочинить недурной сонет, посвященный этой самой прекрасной из всех задниц. Нет ничего более поэтического, чем зад обнаженной женщины, которая удаляется от тебя. Его движения пробуждают все томления элегического стиха... И я не сомневаюсь, сэр, что спереди эта дамочка с оперенными ножками не менее очаровательна, чем сзади. Да, я могу представить себе, что фасад обладает своими собственными, особенными достоинствами, и я, одним словом, признаю, что мне хотелось бы встретиться с ней лицом к лицу...

Горвендил взглянул на единственную женщину, которая все еще оставалась в пределах досягаемости.

— Это Эвадна, которую в дни ее морских странствий звали

Левкозией. И совершенно очевидно, что она ожидает, когда страсть разгорится и возвысит тебя до удовольствий более практичных, чем вся эта болтовня.

– Она ожидает напрасно, – ответил Джеральд. – С такого расстояния это представляется весьма заманчивой идеей, но если подойти поближе, то она окажется всего лишь еще одной раздетой женщиной. Более того, сэр, я уважающий себя прихожанин Протестантской Епископальной Церкви, и помимо этого я теперь понимаю, что смутно угадываемые очертания этой женщины напоминают мне формы Эвелин Таунсенд. Такое сходство способствует развитию всяческих добродетелей и заставляет остепениться. Я слишком хорошо знаю, что бывает, когда позволяешь женщине довериться тебе и отдать тебе все. И кроме того, я призван исполнять более почетные и ответственные обязанности в предназначенном для меня королевстве. И наконец, я уж лучше разочарую этих дамочек и буду любоваться ими с такого расстояния, на котором краска смущения на моем лице не будет заметна. Нет, Горвендил, нет! Меня все еще преследует это изречение – *E pluribus unum* – и я не собираюсь прямо сейчас принести присягу Колеос Колерос на виду у такого количества флейтисток. Кроме того, ты утверждаешь, что меня ожидает принцесса, перед которой я хотел бы предстать в качестве представителя другого королевского дома во всей полноте власти и способностей. Таким образом, я не расположен в данный момент участвовать в этих – с позво-

ления сказать — несколько неамериканских методах религиозной практики. Напротив, я прошу тебя проводить меня к нетерпеливой принцессе, о которой ты продолжаешь твердить с таким упрямством, что, я полагаю, у меня нет ни малейшей надежды заставить тебя остановиться.

Вот так Джеральд начал свое путешествие с того, что нанес оскорбление Колеос Колерос.

Часть III

Книга Дунхэма

*Женский язычок семи дюймов в длину валит с ног
мужчину шести футов ростом*

Глава 7

Эвашерах – хозяйка первой водной стоянки

– Доброе утро, мадам, – начал Джеральд. Конь его был привязан к пальме, Горвендил ушел, и теперь можно было сосредоточиться на принцессе. – Чем могу служить?

Однако голос его дрожал, когда он стоял рядом с алебастровым ложем... Ибо Джеральд был восхищен. Принцесса Эвашерах была этим великолепным ранним майским утром так изумительно хороша, что превосходила всех женщин, которых он когда-либо видел. Лицо ее было правильной формы, повсюду подходящего цвета, и соответствующее количество волос украшало ее чело. В ее чертах невозможно было усмотреть ни малейшего недостатка. Цвета обоих глаз прекрасной молодой девушки замечательно сочетались, а ее нос

располагался точно между ними. Под этим находился ее рот, и еще у нее была пара ушей. In fine – девушка была молода, у нее не было никаких уродств, и влюбленный взгляд молодого человека не мог обнаружить в ней никакого недостатка. Впрочем, она напоминала ему кого-то, кого он знал раньше...

Такие пламенные мысли проносились в голове у Джеральда, пока он произносил эту вежливую фразу: «Доброе утро, мадам. Чем могу служить?»

Но принцесса, со свойственной царственным особам стремительностью, не теряла времени на формальные условности, которые были более или менее обыкновенны в Личфилде. И хотя республиканское воспитание Джеральда было слишком очевидным, чтобы он мог правильно себя вести в монархических семействах, он был до глубины души поражен живостью и искренностью, с которой его здесь встретили. Невозможно было усомниться, что принцесса склонялась к тому, чтобы довериться ему и отдать ему все.

– Но, мадам, – сказал Джеральд, – вы меня неправильно поняли!

Теперь он догадался. Эта женщина была необычайно похожа на Эвелин Таунсенд.

Джеральд вздохнул. Весь пыл покинул его. И при помощи нескольких тщательно выбранных слов он поставил их отношения на более приличную основу.

Сейчас принцесса Эвашерах, та самая прекраснейшая Хозяйка Водного Пространства, лежала точно так же, как и ко-

гда Джеральд пришел к ней впервые, как раз после восхода солнца. Она лежала на алебастровом ложе, четыре ножки которого были сделаны из слоновьих бивней. На ложе было покрывало из зеленого атласа, расшитого красным золотом. На покрывале возлежала принцесса Эвашерах в короткой рубашке из шелка абрикосового цвета, а над всем этим нависал шафрановый балдахин, украшенный фиговыми листочками из жемчужин и изумрудов. Кроме того, ложе было покрыто тенью трех пальмовых деревьев, а стояло оно неподалеку от берега реки Дунхэм. И струящиеся потоки этой глубокой реки – как объяснила принцесса Эвашерах вскоре после того, как она и Джеральд достигли полного дружеского взаимопонимания без всякой там неамериканской чепухи – скрывали резиденцию принцессы, в которой они в настоящий момент завтракали.

– Но у меня, – сказал Джеральд немного удрученным тоном, – сейчас совсем нет аппетита.

– Это неважно, – ответила принцесса и рассмеялась безо всякой на то причины.

– А жить под водой, мадам, представляется беспрецедентной разновидностью царственной причуды.

– Ах, я должна поведать тебе, о, князь мира сего и самый упорный отвергатель всех, кто стремится соединиться с тобой, что очень давно, по причине детской влюбленности в одного молодого человека, имя которого я позабыла, я была в пламени низвержена из Дома Небожителей в воды этой

реки. Ибо я нанесла оскорбление своему отцу (да святится имя его!), похитив шесть капель другой воды – влаги Океанической Пены.

– Ты имеешь в виду божественную амриту?

– О, сад радости моей и вершина мудрости, – заметила принцесса, – ты учен! Ты обладаешь знанием вещей небесных, ты пересек Девять Пространств. И я думаю, что ты, кто, отягощенный бременем неотзывчивости, странствует по этой дороге богов – тоже замаскированный бог.

– О нет, мадам. Просто каждый, кто занимается магией, подбирает какие-то крупички сведений. Я – подлинный престолонаследник, и честно не могу сказать о себе ничего более этого. Ныне я держу путь в свое царство, но это, я совершенно уверен, не Царствие Небесное.

Принцессу было не переубедить.

– Нет, мой наставник и мой единственный идол, ты, несомненно, бог, равно совершенный как в красноречии, так и в любезности, соблазн для влюбленных, кажущийся земным раем для жаждущих. Во всяком случае, здесь, в силу крайнего моего уважения к твоим добродетелям и в обмен на эту твою огромную неуклюжую лошадь, в каждой черте которой сквозит ее полнейшая непригодность к соприкосновению с божественными ягодицами, здесь, в этом флаконе, еще остались пять капель...

Джеральд изучал маленькую бутылку с такой же недоверчивостью, с какой принцесса отнеслась к его заявлению, что

он не бог.

– По мне, мадам, так это обыкновенная вода.

Она пролила одну каплю на кончик пальца и нарисовала у него на лбу треугольник мужского начала и треугольник женского начала, таким образом, что одна фигура накладывалась на другую, и призвала Монахиэля, Руах, Ахидеса и Дегалиэля. Всякий, кто изучал магию, смог бы признать в ее действиях любопытный, хотя и неканонический вариант Пентакля Венеры.

Затем принцесса Эвашерах весело рассмеялась. – Теперь, о друг мой сердечный, теперь, когда ты пообещал мне эту наипрезренную лошадь, я сорвала с тебя маску. Теперь я вижу, что ты, о мой повелитель, предсказанный в пророчестве Спаситель Антана.

– Довольно, мадам, я уже знаю...

– Короче, – сказала принцесса, – ты – Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей, скрытый в человеческой плоти, человеческой забывчивости и в совершенно нечеловеческой холодности. Но вскоре сила амриты возвратит твоим мыслям неиссякаемую живость, и свора воспоминаний вот-вот загонит зайца твоей бесценной славы.

– Хорошо сказано, мадам. Сказано с прекрасным чувством стиля. И хочу также заметить, что, хотя лучшие стилисты обычно забывают об этом ингредиенте, сказанное не лишено смысла... Однако вы намекаете на мои рыжие воло-

сы, но ведь заяц моей бесценной славы, о котором вы также упоминаете, это не волосы, а – если продолжить игру в метафоры – животное. Вкратце, вы утверждаете (по-восточному живописно), что я снова и снова буду припоминать нечто, о чем я позабыл. Но что это, мадам, что, как вы с такой уверенностью ожидаете, я вспомню?

– Мой князь, асте моего счастья, ты вспомнишь ту любовь, что была между нами в пору младенчества сего мира, когда ты не отвращал от меня вдохновляющих взглядов, исполненных нежной страсти. Ибо ты, о светловолосый, сияющий, без сомнения – Возлюбленный Небожителей. Я прекрасно помню тебя, твой вздернутый нос, твой выступающий подбородок и еще одну выдающуюся часть тела, чьи благородные пропорции приводили меня в глубочайший восторг, когда я гостила в твоей райской Дирге, и которая, думаю я, по-прежнему героически не знает поражений.

Джеральд мягко, но решительно взял ее за руку. Ему казалось, что настал подходящий момент.

Тогда прекрасная госпожа Водного Пространства, которая могла бы быть так восхитительна, если бы только все более и более не напоминала Джеральду Эвелин Таунсенд, стала рассказывать о том, чего Джеральд и в самом деле не помнил.

Она говорила о высоком золотом доме Джеральда, в котором, казалось, эта принцесса доверилась Джеральду и отдала ему все. Она рассказывала также о непреодолимом челове-

колюбии, которое побудило Джеральда покинуть этот благородный дом среди безмятежных лотосовых прудов Вайкант-хи, о девяти других случаях и о девяти его замечательных подвигах на пути искупления.

Она рассказывала о том, как Джеральд являлся людям, когда в своем настоящем героическом и элегантном обличи, когда в виде отвратительного карлика, а в иных случаях – в образе черепахи, кабана, льва или огромной рыбы. Его вкус в одежде был столь же переменчив, сколь постоянной была его щедрость. Ибо многократно, говорила принцесса, проявлялось могущество Джеральда как Помощника и Хранителя, который спас несколько народов и одну-две династии богов от полного истребления демонами, коих Джеральд сам уничтожил. Именно Джеральд, как он узнал сейчас, таким же образом спас Землю от полного опустошения и неведения, когда, во время первого великого потопа Князь Третьей Истины, воплотившись в огромную рыбу, вынес из потопа семь брачных пар и четыре книги, в которых содержались сливки литературы Земли. А позднее, во время еще более страшного потопа, Джеральд взял Землю между своих клыков – это было, конечно же, когда он воплотился в кабана – и, плывя таким образом, уберег оказавшуюся в опасности планету от заплесневения.

А еще Эвашерах рассказала о том, как в то время, когда Джеральд был черепахой, он создал первого слона, первую корову и первую совершенно привлекательную женщину.

Тогда же, добавила она, он сотворил Луну, и гигантский алмаз Каустубха, и дерево, именуемое Парьята, которое производила все что пожелаешь, и именно тогда Светловолосый Ху, Возлюбленный Князь Третьей истины, изобрел опьянение. А всего, подвела итог Эвашерах, в то время Джеральд изобрел девятнадцать высочайших и бесценных благ, но она призналась, что не способна по памяти перечислить их все.

– Достаточно, вполне достаточно! – заверил ее Джеральд со всецело дружеским снисхождением, – а не то, мадам, мне придется составить каталог моих скромных добродетелей.

Но Джеральд, хотя и сказал это шутливым тоном, затрепетал от самодовольной гордости за свое прошлое. Разумеется, он не был на самом деле удивлен, поскольку сама логика подсказывала, что правитель Антана, естественно, должен быть божественной личностью с именно таким величественным прошлым. Быть богом казалось ему прекрасной идеей. Итак, он для начала спросил, что означает тот череп, там, на траве. Принцесса разъяснила, что это не ее череп, но один посетитель оставил его там примерно два месяца тому назад. Тогда Джеральд, согласившись с ней в том, что людям следовало бы повнимательней относиться к своей собственности, продолжил говорить о том, что действительно было у него на уме.

– Во всяком случае, мадам, – рискнул он, неуверенно покашливая, – между нами, кажется, были нежные отношения и до сего утра.

– Я поверила тебе! Я отдала тебе все! – воскликнула она с упреком. – А ты, податель божественных наслаждений, прекрасный сосуд души моей, забыл даже то, каким способом ты добился моего доверия. Ибо как скромность хрупкой женщины может устоять против грубой силы решительного мужчины!

– Нет, Эвелин, не сегодня – прошу прощения, мадам. Я не то хотел сказать. Я имел в виду, что на самом деле должен просить вас перестать... Напротив, моя милая леди, наша любовь незабываема. Я помню каждое ее мгновение, я помню даже тот сонет, который я сочинил для вас в день моего первого робкого признания в вечной любви.

– Ах, да, тот чудесный сонет! – ответила принцесса с беспокойством, которое испытывает любая нормальная женщина, когда мужчина начинает говорить о поэзии.

– А в доказательство я сейчас же прочту этот сонет, – сказал Джеральд. И прочел.

Однако голос его так дрожал от избытка чувств, что, закончив восьмистишие, Джеральд замолчал, так как был не в силах сопротивляться красоте возвышенной мысли, когда она столь адекватно выражена в безупречном стихе. Итак, мгновение он стоял в молчании.

Он взял мягкие и беспокойные руки принцессы Эваше-рах, своей порывистой и находчивой леди, которая столь тревожным образом напоминала ему Эвелин Таунсенд, и прижал эти руки к своим дрожащим губам. Эта прелестная де-

вушка, возвращенная ему почти что чудесным образом, казалось, несмотря на его почти забытое прошлое, намеревалась не просто еще раз довериться ему и отдать ему все. Она надеялась, как чувствовал Джеральд с той глубокой проницательностью, которая свойственна божественным существам, ввести его в заблуждение и причинить ему какой-то материальный ущерб. Что именно принцесса хотела у него выклянчить, было не совсем ясно. Несмотря ни на что, он чувствовал, что Эвашерах пытается так или иначе обмануть его. Возможно, что ни ее объяснение насчет того черепа, ни даже ее кажущиеся такими чистосердечными восторги по поводу его мудрости и приятной наружности не были полностью искренними. Ибо таковы женщины: они не всегда говорят то, что думают, даже когда беседуют с богом. Поэтому, решил Джеральд, богам приходится выполнять чрезмерно болезненные обязательства.

Затем он вздохнул и продолжил читать свой сонет тоном высокого самоотречения, смешанного с определенно справедливым одобрением действительно хорошей поэзии.

– Свет очей моих, это в самом деле прекрасный сонет, – заметила принцесса, когда он закончил, – я горжусь, что послужила для него источником вдохновения, и почти в той же степени я горжусь тем, что ты (благодаря превосходному изяществу и благосклонности кого мое сердце снова переполняется экстазом) так хорошо помнишь его даже столько тысячелетий спустя.

– Годы очень мало значат, мадам, для Светловолосого Ху, Князя Третьей Истины, Возлюбленного Небожителей, и столетия, вполне естественно, бессильны затмить всякие мои воспоминания, которые хоть сколько-нибудь связаны с вами. Хотя менее значительные события склонны покрываться туманом по мере того, как проходят века... Например, в промежутках между моими спасительными подвигами – по обычным будним дням – богом чего я был?

– Это, – ответила принцесса, – о мой повелитель и источник всяческих добродетелей, слишком глупый вопрос для тебя, кто, как известно, является Князем Третьей Истины.

– Ах да, конечно, Третьей Истины! Мои божественные интересы инвестированы в достоверность. Ну что ж, это великолепно. Однако, мадам, богов много, и это весьма прекрасная идея – наблюдать, как эти боги отличаются друг от друга, даже когда их профессиональные сферы совпадают. Так, Вулкан – бог одного огня, а Веста – богиня другого, но Агни, Фудо и Сатана правят еще иными огнями, каждый из которых совершенно особенный. Купидон и Люцина входят в одну и ту же дверь, но не одним и тем же путем. Эол повелевает двенадцатью ветрами, Тецкатлипока – четырьмя, а Крепитус – только одним ветром.

– Владыка моей жизни и добрый пастырь души моей, я знаю. Немногие боги остались чужды мне или моим объятьям. Многие Небожители искали моей любви, и я благочестиво соглашалась: книга моих религиозных увлечений на-

писана моими поцелуями на множестве божественных щек.

– И я догадываюсь, что эта вода из Океанского Водоворота не предназначалась, в первую очередь, для моего дальнейшего апофеоза. Я имею в виду, мадам, что я не думаю, что вы взяли на себя труд похитить шесть капель амриты только для того, чтобы напомнить мне о моей божественности, о которой я, подавленный бременем других забот, каким-то образом позабыл?

– Владыка и единственный прообраз семи добродетелей, ты говоришь правду. Ибо пять остальных капель, как я пыталась тебе объяснить, когда ты снова стал перебивать меня, о возлюбленный моего сердца и радость очей моих, предназначались для пяти человеческих чувств молодого человека, от которого я тогда была без ума и которому я намеревалась подарить бессмертие и вечную молодость. Первую каплю – так как амрита сообщает бесконечную силу – я, разумеется, уже поместила. За это мой Отец (да святится имя его!) в приступе гнева поразил нас молнией и вышвырнул нас из Дома Небожителей в эту реку. Мой молодой человек утонул прежде, чем я успела сообщить ему какое-либо из благ, которые, как я очень опасаюсь, твое физическое превосходство могут сейчас из меня вытянуть.

Джеральд ответил:

– Я и в самом деле думаю, что ты гораздо быстрее продвинулась бы со своей историей, если бы с самого начала учитывала это. Положение, как видишь, более американское: в

нем нет того прежнего духа свободы личности, о которой демократия придерживается не лучшего мнения.

– Светоч эпохи, слушаю и повинуюсь. Да станет вся моя история тебе известна...

– Да, твоя история интересует меня гораздо больше...

– Гораздо больше, чем что, о жестокий и прекрасный?

– Ну, гораздо больше, чем я могу выразить. Итак, давайте продолжим!

– Но моя печальная история теперь для твоего проницательного взгляда – как чистое стекло. Добавлю только, что бессмертная часть моего юноши была благополучным образом спасена из вод реки, и теперь ему как богу поклоняются в Литрейе. Но, увы, белка моих бедствий продолжала крутиться в колесе божественного гнева. Ибо мой Отец (да святится имя его!) ведет себя так нелепо всегда, когда малейший пустяк расстраивает его, что я была обречена в течение девяти тысяч лет исполнять определенные обязанности в водах сей реки в устрашающем обличье крокодила.

Услышав это заявление, Джеральд тут же сделал вывод.

– В чем заключались твои обязанности в качестве стража этих вод так же ясно, как и то, каким образом твои посетители оказывались столь беспечны, что забывали свои черепа. Это и в самом деле такая оплошность и неосмотрительность, что я не мог над этим не призадуматься. Однако я уверен, что формы, которые я созерцал и большую часть которых вижу и сейчас, не имеют ничего общего с очертаниями кро-

кодила.

– Воплощение всяческого величия и высшая точка моего существования, это потому что девять тысяч лет моего проклятья счастливым образом истекли. Доказательством тому послужит прибытие моей несчастной заместительницы. Сейчас мы увидим ее встречу с истребительницей наслаждений и разлучницей влюбленных. После этого, когда мы позавтракаем, о дух жизни сердца моего, которого моя неутолимая любовь меня побуждает сожрать в порыве чистой страсти, я уеду отсюда на коне, которого ты столь любезно мне подарил, чтобы снова вступить в Дом Небожителей.

С этими словами она вытянула руку в указующем жесте.

Глава 8

Мать всех принцесс

С этими словами принцесса вытянула руку в указующем жесте. И Джеральд посмотрел на реку. Он увидел непостоянный, подвижный, туманный мир. Прямо перед ним глубокая река, искрясь, струилась на восток неспешной мелкой рябью. Но дымившиеся здесь и там над нагретой солнцем водой струйки пара тоже медленно плыли на восток так неравномерно, что то одна, то другая часть простиравшегося за

рекой пейзажа то возникала из тумана, то вдруг постепенно, хотя и на удивление быстро, покрывалась вуалью. Прелестные медальоны зеленых лужаек, кустарника и отдаленных холмов, казалось, обретали форму, а затем растворялись в непрекращающемся течении тумана по направлению к восходящему солнцу.

И еще Джеральд увидел, что на расстоянии пятидесяти футов от него раздетая пожилая женщина с ребенком на худых руках приближается к берегу реки. Женщина устало тащилась к реке, словно одурманенная из-за лежащего на ней проклятья.

И вот женщина как будто споткнулась и упала в воду, но в падении отшвырнула ребенка от себя, так что он остался невредим в густой высокой траве.

Женщина, которую божья воля привела сюда, чтобы служить козлом отпущения для принцессы Эвашерах, продолжала благополучно и довольно эффектно тонуть. Она дважды уходила под воду без единого всплеска воды из-за наложенного на нее проклятья. Ребенок, которого годы еще не научили принимать как должное преобладание в жизни неприятных моментов, беспрестанно вопил, искренним мяуканьем выражая неодобрение божественной воле. Из близлежащих зарослей камыша выглянул, сверкая глазами, шакал и крадучись начал приближаться к ребенку. Принцесса поднялась с алебастрового ложа и освободилась от слабых объятий Джеральда. Мгновение она стояла в нерешительно-

сти. На ее миловидном личике появилось озабоченное выражение. Ее слегка приоткрытый рот задергался. Джеральду это понравилось. Это был порыв вечно-нежного женского сердца и великодушного сострадания всем обиженным существам, чувства, которое, как жизнь научила Джеральда, встречается только в высокой литературе.

Принцесса покинула Джеральда. Она поспешила к берегу реки. Шакал отскочил от нее, оскалившись, попятился полукругом, и заросли тростника поглотили зверя. Принцесса наклонилась и милым жестом сострадания поймала женщину одной рукой и помогла ей выйти на берег.

Затем принцесса Эвашерах издала крик крайнего удивления. Она стиснула свои маленькие кулачки и взмахнула ими в воздухе жестом неподдельного раздражения.

Потом женщина, которая только что была спасена от гибели, отстегнула маленький медный сосуд и нож, которые висели у нее на поясе на медных цепочках. Принцесса взяла это, подошла к кричащему младенцу, остановилась, и плач прекратился. Принцесса повернулась к странной женщине, выкрикивая: «Хранг! Хранг!». Кровью, которая была в сосуде, принцесса смазала серые губы этой женщины, а остатками крови побрызгала на ее обнаженные груди и у нее между ног, которые та держала широко расставленными для такого оплодотворения.

– Здравствуй, Мать! – сказала Эвашерах. – Приветствую тебя, о кровавая и морщинистая Мать Всех Принцесс!

Здравствуй, плодородная и ненасытная Хавва! Приветствую тебя! Сфенг! Сфенг! Приветствую тебя и желаю тебе всяческих удовольствий на тысячу лет твоих сред. Пей до дна, возлюбленная и мудрая Мать, ибо кровавое жертвоприношение, которое священные тексты сделали чистым, слаще амброзии.

Поначалу пожилая леди казалась необычайно красной, распаленной и ужасной со своими растрепанными космами. Потом она успокоилась. Она тяжело дышала, а ее глаза томно закатились. Она заговорила обиженным тоном, с упреком:

– Но дорогая моя! Ты впала в свойственное мужчинам милосердие, тем самым утратив свой шанс на спасение.

– Горе и траур воцарились в сердце моем, о Мать, члены мои дрожат от сожаления. Ибо я никак не предполагала, что это ты. Просто я решила, что какая-то смертная женщина пришла, чтобы исполнять мои обязанности в отвратительном обличье крокодила, и я не могла спокойно слышать, как маленький ребенок плачет тоненьким голоском, в то время как острые зубы шакала приближаются к нему, и мне была невыносима мысль, что ценой двух человеческих жизней я покупаю свою свободу от этого бесконечного занятия любовью и переедания.

– Но это был мальчик! Дорогуша, ты рассуждаешь так, как будто эти сыны Адама и в самом деле что-то значат. Послушать тебя, так никто никогда не окажет тебе заслуженного уважения за то, что ты благочестиво пресекала амбиции

сотен таких, охраняя дорогу богов и мифов от бесстыдства этих романтиков.

– Однако защита возвышенных и убежище сильных, люди, чья кровь питала меня в изгнании, были все до одного молодые люди, распаленные нечистыми намерениями. Ребенок – другое дело. Негоже, чтобы невинная плоть маленького мальчика, жертвоприношение, подобающее всей нашей великой расе, была разорвана клыками дикого пса.

– Это правда. Это похоже на мысль здравую и благочестивую. Ребенок отличается от всех других бед тем, что только он постоянно всякий раз приносит новые неприятности. Этого никто не может знать лучше, чем я – Мать Всех Принцесс, чьи дочери повсюду проявляют такое неадекватное отношение к бредовым мужским мечтаниям. Но что сделано, то сделано. Наверное, я снова и снова буду обращаться к твоему Отцу...

– Да святится имя его! – подхватила принцесса.

– Это, дорогуша, тоже мудро подмечено, хотя – как я говорила – ты знаешь так же хорошо, как и я, какая он свинья. Тем не менее тебе ничего более не остается, помимо нового воплощения и еще пары столетий соблазнов в окрестностях Дунхэма.

– Но я, – заметила принцесса, – была профессиональным крокодилом девять тысяч лет, а ведь кожа у меня на груди такая нежная! Кошки предположений разбрелись по лугам моего размышления и мурлычут, что на этот раз мне хоте-

лось бы чего-нибудь посуше.

– Дорогуша, поскольку твое новое воплощение – всего лишь обличье, пусть тебя утешает мысль о том, что ты останешься гибелью для юношей и их злосчастных стремлений. Ты плохо вела себя сегодня утром, как я вижу...

– Но ведь... – отвечала смущенная принцесса.

Она понизила голос и продолжала говорить очень тихо, так что Джеральд не мог расслышать ни слова. Он мог видеть только, что пожилая леди сделала предположение, которое принцесса тотчас же отвергла, энергично замотав своей прекрасной головкой. Он увидел также, как принцесса соединила ладони, а затем развела их примерно на семь дюймов.

– Да, сперва вот такой! – заявила она, повышая голос, тоном легкого раздражения. – В общем, этот невосприимчивый тип (пусть свиньи плодятся на могиле его предков!) остается непостижимым.

Старуха ответила:

– В любом случае, ты потерпела неудачу; но это неважно. Ты говоришь, он путешествует в компании с тем, кто наверняка предаст его. А дорога, по которой он идет, тоже достаточно оживленна и достаточно далека, чтобы предать его в конце. Ведь он встретит других моих дочерей, а если и все остальные не справятся, тогда он встретится со мной.

– Корабль моей непоколебимой решимости еще не разбился об айсберг его безразличия, и я еще не закончила с ним, ни в коем случае. Я возвращаюсь, о Мать, к этому

неблагодарному узурпатору моего ложа – позавтракать.

И пожилая леди ответила с вечно отзывчивой материнской нежностью.

– Вот это мое дитя! Кто-то же должен заниматься этими романтиками вне зависимости от того, сколь сложной представляется задача. Ведь никто из нас не знает, чего угодно этим мужчинам-романтикам. Мои дочери готовят им прекрасную еду и выпивку, следят за чистотой их жилища, и на исходе каждого дня усердно занимаются с ними любовью. Все, чего могут пожелать мужчины, мои дочери предоставляют им. И почему столько мужчин питают странные, бессмысленные желания? И как мои дочери могут удовлетворить такие желания?

– Можно только настаивать на своем, о Мать, губительница наслаждений, разлучница влюбленных, полагающая конец всем мечтам.

– Есть другие способы, дорогая моя, более утонченные. Этот способ восточный, он стар и груб. Хотя этот способ тоже успокаивает чрезмерно амбициозные мечты, и он срабатывает.

Джеральд протер глаза. Его слегка обеспокоили происходившие на его глазах совершенно невероятные события.

Ибо пожилая леди преобразилась. Она увеличилась в размерах, краснота ее исчезла, и она стала темно-синей, багровой, как грозовая туча. В левой руке она держала весы и аршин. Жутко улыбаясь, она становилась все больше. Стало

заметно, что ее ожерелье сделано из человеческих черепов, а в ушах, как серьги, болтались тела повешенных, находившиеся в последней стадии разложения. В общем, Джеральд не огорчился, когда Мать Всех Принцесс достигла всей своей божественной стати и исчезла.

Но Госпожа Водного Пространства изменилась на совсем другой манер. Там, где она стояла, теперь порхала большая черно-желтая бабочка.

Глава 9

Чем питалась одна бабочка

Итак, Эвашерах вернулась к Джеральду в виде крупной бабочки и начала нежно порхать и виться вокруг него, пестря яркими красками.

– Моя милая!...

Он протянул руку, чтобы схватить ее, и она не попыталась увернуться.

Джеральд держал это прекрасное создание за горло на расстоянии вытянутой руки. Он начал произносить заклинание.

– Шемхамфораш... – но лицо его вовсе не выражало восхищения. Напротив, он довольно мрачным голосом продолжал:

—...Элоха, Аб, Бар, Руахакоккиес... — и так до конца этого кошмарного списка, снова и снова повторяя: — «Кадош».

Теперь его жертва отчаянно вырывалась. Легкомысленная девушка не учла, что ее возлюбленный был знатоком магии. И трепыхание ее крылышек вполне понятным образом пробудило эстетическое чувство Джеральда, так что он на мгновение остановился, чтобы полюбоваться красотой последнего воплощения принцессы, прежде чем произнести фатальное заклинание Гауза.

Ибо крылышки Эвашерах были прекрасного фиолетово-черного и ярко-оранжевого цветов, тело ее было золотистой окраски, а грудь — малиновая. Он также заметил, что Эвашерах, чье волнение все увеличивалось, выпустила из затылка мягкие вилкообразные рожки, испускающие отвратительную вонь.

А эти изогнутые, сильные, острые как иголки клыки были столь изящны, что ему оставалось только с огорчением удивляться их исключительной эффективности. Из их кончиков сочилась желтоватая маслянистая жидкость. Он мог видеть, что они изгибаются, как пара кошачьих клыков: где бы они ни вонзились в плоть, жертва, отпрянув, только бы еще глубже загнала в себя клыки такой формы и получила бы большее количество яда. Это было довольно-таки хитрое приспособление. И все это также полностью объясняло, каким образом гости такой общительной, дружелюбной и наипрекраснейшей принцессы умудрялись забывать свои

черепа в густой траве вокруг ее алебастрового ложа.

Затем Джеральд сказал:

– О бабочка, разноцветная ты моя, сегодня твой завтрак – разочарование, вилка – агония, а салфетка – смерть. О бабочка, покайся чистосердечно, оставь неправду, отложи обман и лесть, перестань думать о своих обманутых любовниках даже с сожалением. Покайся воистину, а не как дикая кошка, которая слушает, да ест. Где теперь твоя хитрость, где наивные обманутые любовники? Ныне вся ложь мертва. Этот мир – рынок, бабочка моя: каждый приходит и уходит – и чужестранец, и гражданин. Последний из твоих возлюбленных – благочестивый друг, он помогает миру идти своим путем.

Все-таки было довольно странно, что тело, которое она избрала, принадлежало, по всей видимости, виду *Ornithoptera croesus*, подумал Джеральд, с хрустом раздавливая ногой мягкие останки и превращая их в липкую пасту из крови и золотистой пыли. Ведь этот вид бабочек более свойственен Малайскому Архипелагу, нежели здешним краям, не говоря уже о том, что наличие у бабочки змеиных зубов было энтомологической ошибкой. Однако география, местные обычаи и все, касающееся окрестностей Антана, было отмечено явной непоследовательностью, размышлял Джеральд, возвращаясь к своему привязанному жеребцу. Затем он вскочил на коня, воодушевленный новой мыслью о том, что он позаимствовал у Эвашерах весьма прекрасную идею – быть богом, а

также получил четыре оставшиеся капли Океанической Пены. Свойства этой влаги были вполне хорошо известны каждому, кто изучал магию.

Часть IV

Книга Дэрсам

Зачем зеркало слепому?

Глава 10

Жены Кэр Омна

Итак, Джеральд сел на коня Калки и продолжил свое странствие по пути богов и мифических существ, по долине кедров, в царство Глома – Взгляда Одержимого. Страна Дэрсам в то время уже стала приходить в запустение по причине исчезновения своего сеньора в земной жизни. А в Кэр Омне, который ранее был королевским дворцом Силана, и где сейчас завтракал Джеральд, триста пятьдесят с лишним наложниц Глома занимались приготовлением пищи, уборкой и кормлением, в то время как семь законных жен Глома сидели вместе в огражденном стенами саду.

Шесть из этих жен были молоды и хороши собой, но седьмая была – думал Джеральд – морщиниста, как рыболовная сеть, и стара, как зависть.

Однако Джеральд был восхищен той полудюжиной, которая сохранила свою молодость. Когда он переводил взгляд с одной на другую, каждая в свою очередь представлялась ему столь исключительной красавицей, что она превосходила в его глазах всех других женщин, которых ему приходилось видеть... Но нет! Глом был его благодетель. В этот самый момент Глом в Личфилде корпел над неоконченным романом о Доне Мануэле Пуактесмском, который вот-вот должен был сделать имя Джеральда Масгрэйва всемирно известным. Нет, допустить, чтобы все они обманули одного и того же мужа, было бы недружественным и несправедливым плеоназмом, рассуждал Джеральд. И Джеральд глубоко вздохнул.

Семь женщин вздохнули еще раньше.

– Кого там еще принесла нелегкая? – сказали они, когда пришел Джеральд.

Важным тоном он ответил им:

– Сударыни, я – Светловолосый Ху, Помощник и Хранитель, Князь Третьей Истины, Возлюбленный Небожителей. Однако, умоляю, не тревожьтесь понапрасну из-за этого откровения. Я не безжалостное божество, я не причиняю зла никому, кроме как моим заблудшим противникам. Одним словом, я тот, кому было предсказано, что я, мои дорогие дамы, или может быть, я должен был сказать, что он – хотя, по правде сказать, на самом деле все равно, какое местоимение предпочел бы строгий грамматик, так как в любом случае смысл здесь однозначный и очень четкий, – что он в предна-

значенный ему или мне срок будет с беспрецедентным и подобающим великолепием править Антаном, прибыв верхом на серебристом жеребце Калки.

Но на жен Глома это не произвело особого впечатления.

– Смысл ваших слов, сударь, – сказала одна из них, – может быть, ужасен, но определенно непонятен.

У этой жены были золотисто-рыжие непокрытые убором волосы; на ней было голубое платье, сшитое таким образом, что оно оставляло ее правую грудь также совершенно неприкрытой; и, несомненно, с какой-то определенной целью она держала в руке железный семисвечник.

Джеральд с раздражением, несколько смягченным ее приятной наружностью, спросил:

– И вы подвергаете сомнению мое божественное слово? Вы что, не верите в мою Диргическую божественность?

Ему ответила другая жена, великолепная жгучая брюнетка в пурпурном одеянии, которая носила полукруглую корону, а предплечья ее почти полностью обнаженных рук украшали широкие золотые ленты.

– Почему мы должны в этом сомневаться? Боги десятками, сотнями, тысячами шествовали через страну Дэрсам, направляясь в Антан, чтобы получить желанное отдохновение от своих долгих трудов в этом мире.

– Да, кажется, этот Антан – рай для всех отставных богов, и я буду править вполне достойным меня царством небожителей.

– Мы никогда не бывали в Антане. Поэтому мы ничего не знаем о его обычаях. Мы знаем только, что множество богов верхом на самых разных животных прошли мимо нас, направляясь в Антан. Бес ехал на коте, Тлалок – на олене, Шива – на быке; мы видели, как Кали ехала на спине тигра, Зевс пронесся у нас над головой на спине орла, а вровень с ним на спине огромного жука летел Амон Ра. Поэтому мы считаем весьма вероятным, что ты, прибывший верхом на этом прекрасном коне, являешься одним из таких богов. Что нам до богов в сей час небывалой беды?

Затем семь жен принялись причитать, сетуя на то, что с тех пор, как Глом Взгляд Одержимого покинул их, священное зеркало отражало только того, кто перед ним стоял.

– Но не в том ли и заключается суть всех зеркал? – спросил Джеральд.

– Разумеется, сударь, – ответила жена со связкой ключей в руках и колоссальным, раздваивающимся наверху оранжевым головным убором на голове, – но вплоть до вчерашнего дня наше зеркало показывало вещи такими, какими они являются на самом деле.

– И что можно было увидеть в нем?

Ему отвечала старуха; голова ее была завернута в белый тюрбан, лицо ее было окрашено не ярче, чем рыбье брюхо, и длинные седые волосы, завивающиеся в спирали и полукружья, украшали ее трясущийся подбородок. Она и ответила:

– Для таких стариков, как я, зеркало Кэр Омна не являет

ничего; но для юных, какими мы были до того, как Глом покинул нас, оно являло неопишное.

— Тогда почему бы вам не поставить перед ним кого-нибудь помоложе?

— Увы, сударь, в зеркале не осталось больше юности, — отвечала ему отличавшаяся соблазнительной полнотой и каштановым цветом волос жена, на которой не было абсолютно никакой одежды, и чье соблазнительное тело было во всех соответствующих местах избавлено от ненужных волос.

Затем жены Глома Взгляда Одержимого снова принялись причитать, а мертвенно-бледная, остроносая жена на последнем месяце беременности с конической прической каштанового цвета стала рассказывать о парнях, которые являлись им из зеркала.

Она рассказывала о миловидных, высоких, шустрых, проворных, сообразительных и бесстыжих парнях, не таких сварливых, какими обычно бывает их муж; о гиперактивных парнях, которые бесятся, которые начинают выпендриваться из-за пустяков, которые всюду суют свой нос, пускаются во все тяжкие и спуску не дают никому; об этих напористых, стремительных, наглых и нахальных субъектах, неосторожных на поворотах, любящих свою работу трудоголиках, которыми они и являются, когда берутся за любое дело, которое им подвернется; о том, какие они на самом деле мерзавцы — нетерпеливые и нескромные; и о том, как не хватает этих бездельников именно сейчас, когда в священном зерка-

ле Кэр Омна не осталось соответствующего запаса молодости.

– Весьма вам сочувствую. Должен признать, что зеркало, порождающее таких молодых ребят – отличная идея. Да, я холостяк, и поэтому нет существенных оснований, чтобы в отношении меня матримониальные планы были смягчены. Но я также и бог, дорогие дамы, бог, который носит всю свою молодость с собой в вот этом флаконе.

Тут заговорила последняя жена. У нее были льняного цвета волосы; ее тело заманчиво просвечивало сквозь платье из прозрачной светло-зеленой ткани. В руке у нее был короткий меч с золотой рукояткой. Она сказала:

– В таком случае, ты отличаешься от тех богов, которые проходили по этой дороге. У тех богов, состарившихся, уставших и ослабевших, странствовавших в поисках покоя от всяческих чудес прочь от мира, где им уже не поклонялись более, не было молодости.

– Но я, – ответил Джеральд, – я – бог, который, помимо всего прочего, является еще и гражданином Соединенных Штатов Америки, где всякая религия процветает так, как ни в одной упадочной и изощренной монархии. Поэтому – проводите меня в храм священного Зеркала Кэр Омна!

Глава 11

Обитатели зеркала

Семь жен проводили Светловолосого Ху, Защитника и Хранителя, в Храм Зеркала. Старая жена сняла с зеркала голубое покрывало, на котором золотой нитью были вышиты тонкие фиговые листочки. Стало видно, что зеркало было покрыто грязью, пылью и плесенью. В нем отражался кривой, пожелтевший, и покрытый пятнами Джеральд; оно светилося нездоровым блеском.

После этого Светловолосый Ху, Помощник и Защитник, Князь Третьей Истины, провозгласив свои разнообразные титулы и совершив ритуал, подобающий обмену любезностями между двумя божественными силами, смочил кончики пальцев каплей влаги из Океанической Пены. На поверхности священного Зеркала Кэр Омна он нарисовал пальцем треугольники мужского и женского начал, таким образом, что один накладывался на другой, и призвал Монахиэля, Руах, Ахидеса и Дегалиэля.

Никогда и нигде никто не радовался сильнее, чем семь жен Глома – Взгляда Одержимого, когда священное зеркало изменилось. И эти неблагодарные и безмозглые женщины-

ны принялись распевать гимн, восхваляющий милосердие и неисчерпаемые производительные силы Солнца.

– Но какое отношение имеет Солнце, – сказал Джеральд с некоторым раздражением, – к той немаловажной услуге, которую я оказал этой стране? И вы полагаете, что анатомические подробности, вами воспеваемые, являются подходящей темой для оперы?

Они ответили:

– Сударь, совершенно очевидно, что ты – бог Солнца из клана Лучезарного Гелиоса, Любвеобильного Фрейра, Гора Старшего и Сверкающего Мардука, которые все прошли этим путем, направляясь в Антан. Ясно, сударь, что Князь Третьей Истины тоже бог, задача которого – пробуждать тепло, влажность и обновление жизни во всем, чего он коснется.

– Но только, – заметил Джеральд, – только пальцем.

– Подобно тому, – согласились они, – как ты поступил с этим зеркалом. Поэтому, сударь, мы и восхваляем твое милосердие и неисчерпаемую производительную силу.

– Ага, теперь я вас понимаю! И все-таки давайте в этих публичных хоровых представлениях затрагивать исключительно тему милосердия. Все прочие солярные атрибуты, на мой вкус, более гармонируют с камерной музыкой, а именно с дуэтом. Тем не менее, поскольку этот несколько неамериканский гимн предназначался лично мне, я принимаю вашу, в самом деле, весьма индивидуальную арифметику, дорогие дамы, в соответствующем духе, как благочестивое преуве-

личение. Ибо, разумеется, как вы сами сказали, совершенно очевидно, что я – бог Солнца.

Однако сейчас Джеральд был заинтересован в этом гигантском зеркале сильнее, чем в чем-либо ином. Он видел, что в зеркале, которому поклонялись в стране Дэрсам, не было ничего страшного. Если зеркало Фрайдис было похоже на это, тогда любое наследство, ожидавшее его в обещанном королевстве, могло наверняка оказаться вполне приятным.

Ибо теперь Зеркало Кэр Омна сияло золотистым, ясным светом. Оно более не отражало искривленного и заляпанного Джеральда. Оно ничего не отражало. Напротив, казалось, что оно теперь создавало свой собственный, необычный горный ландшафт; и повсюду, в туманных, сияющих глубинах этого странного зеркала проявлялись наиболее героические и самые прекрасные существа, которых никогда не видывали в Личфилде.

Глава 12

Путаница золотого странствия

Но когда трое здоровенных мужчин поманили его, и Джеральд шагнул вперед, он не без удивления обнаружил, что поверхность зеркала была на самом деле теплой золотистой

дымкой, пройдя сквозь которую он оказался во власти этих троих гигантских кузнецов и в железных кандалах, которыми они крепко приковали его к серой, покрытой лишайником скале – высоченной скале, вздымавшейся над широким ущельем посреди каменистой пустыни. А еще Джеральда охватил благородный гнев. Ибо он бросал вызов Небу, он – восставший бог, бог, не испугавшийся злобы своих божественных компаньонов. Он как-то спас – он не мог до конца припомнить, каким именно способом, хотя испытывал гордость за содеянное – всех мужчин и женщин от жестоких и несправедливых Небес. Он единственный из богов пожалел этих никчемных, нагих, забитых существ, которые, из-за своей незащитности перед множеством других, более сильных животных, жили в темных неглубоких пещерах, как муравьи в термитниках. Он превратил этих робких, безмозглых, двуногих животных в людей. Он научил их строить дома и корабли; изготавливать острые мечи и дальнобойные луки и применять их против клыков и когтей, которыми Небеса снабдили других животных; научил приручать лошадей и собак, чтобы те помогали им добывать пищу. Он научил их писать, рисовать, изготавливать мази и лекарства, чтобы исцелять их болезни, и научил даже более-менее предвидеть будущее. Все искусства человеческой расы были даны Прометеем, и все эти блага были сохранены для его таких непослушных, милых марионеток в девятнадцати книгах, в которых Прометей изложил тайны всего знания, всей красо-

ты и всяческого достатка, — Прометей, который, открыв людям такое множество изобретений, не мог изобрести ничего, чтобы спасти самого себя. Короче говоря, Прометей создал и сохранил мужчин и женщин вопреки установленной воле Небес. За это святотатство Прометей расплачивался на краю света, на изъеденной лишайником скале. Он страдал во искупление всего человечества — первый из всех поэтов, этих творцов, которые с восторгом создают кукол и играют с ними, первый из Спасителей человечества. И мученичество его было прекрасным, ибо крылатые дочери седого Океана порхали вокруг него в чистом воздухе Скифии, подобно кричащим чайкам, и обезумевшая от горя женщина с коровьими рогами, торчавшими из ее растрепанных желтых волос, тоже остановилась, чтобы пожалеть его, а затем продолжила свой путь в сторону, где восходит солнце, чтобы получить свою долю несправедливости, отмеренную ей Небесами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.